
Алексей Конкка
Сергей Минвалеев
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ В КАРЕЛИИ
Дерево карсикко, путь в Туонелу и могучие предки сюндюзет
МИФ

МИФ Культура

Алексей Конкка

Погребальные обряды в Карелии. Дерево карсикко, путь в Туонелу и могучие предки сюндюзет

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2026

УДК 393(470.22)
ББК 63.5(2Рос.Кар)-73

Конкка А. П.

Погребальные обряды в Карелии. Дерево карсикко, путь в Туонелу и могучие предки сюндюзет / А. П. Конкка — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250932-4

Карелия – земля озер и лесов, где до сих пор бережно хранят самобытную культуру. В представлениях карелов граница между мирами людей и миром духов почти незаметна, а путь в Туонелу лежит через водную преграду, поэтому могилы часто напоминают лодки. Карельское кладбище словно деревня мертвых, где предки продолжают оберегать близких, пребывая среди резных крестов и вековых деревьев.

УДК 393(470.22)
ББК 63.5(2Рос.Кар)-73

ISBN 978-5-00-250932-4

© Конкка А. П., 2026
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2026

Содержание

О карельской культуре смерти 6
Глава 1. Мифология мира мертвых 14
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Алексей Конкка, Сергей Минвалеев Погребальные обряды в Карелии. Дерево карсикко, путь в Туонелу и могучие предки сюндюзет

Утверждено к печати Ученым советом Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Рецензенты:
канд. филол. наук Елена Федоровна Левочская; канд. филол. наук Мария Владимировна Кундозерова

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены.
Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Конкка А., 2026
© Минвалеев С. А., 2026
© КарНЦ РАН, 2026
© ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

О карельской культуре смерти

Наверняка каждый из вас сталкивался с потерей близкого человека, участвовал в похоронной процессии или по крайней мере посещал кладбища. И скорее всего, вы замечали строго регламентированный ход прощания с умершим, необычное, подчас странное поведение участников похорон (занавешивают зеркала, выключают радио и телевизор, бросают горсть земли в могилу, ставят угощения перед портретом умершего и т. д.) и задавались вопросом: кто руководит похоронным процессом, откуда люди знают, как нужно прощаться с умершим, какой стороной ладони прикладывать руки к печи по возвращении с кладбища? А еще, возможно, задумывались, как после кончины будут хоронить, оплакивать и вспоминать уже вас близкие и родные люди. Можно ли подготовиться к своему переходу в мир иной? И есть ли он вообще – или существование индивида заканчивается на последнем выдохе?

Этими и другими вопросами, связанными с феноменом смерти, человечество задается с самого начала своего существования. Главный страх человека – страх смерти – стал причиной появления религиозного мышления, с одной стороны, и стимулом технологического прогресса – с другой. Осмысление собственной неотвратимой кончины находит многогранное отражение как в массовой культуре, так и в локальных традициях народов мира. Каждый из нас со школьной скамьи знает о монументальных постройках древних египтян – пирамидах, служивших усыпальницами для египетской знати. Наверняка вы читали книги или смотрели фильмы по мотивам древнегреческой мифологии, где упоминались река загробного мира Стикс и мрачный Харон, переправляющий души умерших в лодке на тот свет. В ковидное время вирусным стало видео, в котором жители Ганы задорно танцуют под ритмичную музыку, неся гроб во время похоронной процессии. Здесь можно вспомнить и погребальные костры викингов, и карнавальный праздник День мертвых (исп. El Día de Muertos) в Латинской Америке, и индонезийскую традицию причесывания и обряжения в новые одежды своих мумифицированных родственников. Эти и многие другие погребальные обычаи отражают культурные представления о душе, загробной жизни и границе между бытием и небытием, формируя уникальную «культуру смерти» (или некрокультуру) каждого народа.

Эта книга посвящена Карелии – краю, где веками в тесном соседстве живут карелы, вепсы и локальные группы русских. Хотя все эти народы внесли свой вклад в культурный ландшафт региона, наша книга посвящена прежде всего культуре смерти карелов, давших имя этой земле. Что же мы знаем о карельской погребальной обрядности? Есть ли в ней уникальные ритуалы и представления о мире мертвых? И самое важное – насколько карельская культура смерти схожа с культурами других народов и этнических групп? Ответы на эти вопросы мы попытаемся дать в нашей книге.

Краткие сведения о карелах

Настоящая работа посвящена феномену смерти в культуре карелов. Карелы – это финно-угорский народ, проживающий в основном в России, а также в восточной части Финляндии.

В первую очередь фокус нашего внимания будет направлен на карелов Республики Карелия. До 1920 года эта территория входила в состав Олонецкой и Архангельской губерний Российской империи.

Крыльцо старинного дома в деревне Лахта на Сямозере. 2008.

© Конкка А., 2008

В издание также включены материалы по группам карелов, проживающих в Мурманской, Ленинградской, Тверской областях и Финляндии (провинции Южная и Северная Карелия). Важно отметить, что, вопреки расхожим предубеждениям, карелы сохранили самобытную культуру и свой язык, на котором общаются и в настоящее время.

Карельский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи и подразделяется на три основных наречия: собственно карельское, ливвиковское и людиковское.

Начиная с работ известного этнографа Розы Федоровны Никольской (Тароевой), принято выделять три культурных ареала карелов, в определенной степени соответствующих языковому делению. Культура северных (беломорских) карелов относится к северному и среднему ареалам (включая земли приладожских карелов) – в прошлом эта территория входила в состав Архангельской губернии и Великого княжества Финляндского. Для этих регионов свойственно сохранение многих архаичных черт в культуре и фольклоре, также здесь бытовали более тесные связи с соседним финским населением, а в восточной части – с поморским. Культура «олонецких» групп карелов (проживали на территории Олонецкой губернии) – ливвиков и людиков – формирует южный ареал, где прослеживается частичное влияние вепсской и в большей степени севернорусской культуры. До 1920 года этот ареал входил в состав Олонецкой губернии Российской империи, поэтому его часто и сейчас называют Олонецкой Карелией. Средний ареал (сегозерские карелы) является «переходной» зоной между северно– и южнокарельской традицией.

Стоит отметить, что в Беломорской и на севере Олонецкой Карелии наблюдалось большее распространение ***старообрядчества,*** чем в южной ее части, что тоже наложило свой отпечаток на верования и повседневность северных карелов. Несмотря на преследования, в XIX веке даже по официальным данным количество ревнителей старой веры в Кемском уезде Карелии доходило до 50% взрослого населения. На самом же деле процент старообрядцев во многих северных деревнях был гораздо выше, если иметь в виду хотя бы тот факт, что многие православные (или «мирские») в пожилом возрасте (то есть за какое-то время до смерти) перекрещивались в «религию отцов». Старообрядчество как законсервированная форма «древлего благочестия» способствовало сохранению не только дониконовских обрядов и символов, но и старых религиозных верований в целом, из которых большинство было дохристианскими.

Хозяйка за стряпней. Деревня Лувозеро, Беломорская Карелия. Фото Инто Инха. 1894.

Finnish Literature Society (SKS) / Finna

Похоронно-поминальная обрядность карелов

Основная задача этой книги – в довольно сжатой и доступной форме познакомить читателя со сложной и многогранной системой верований и обрядов, связанной с представлениями карелов о смерти и многочисленными обычаями, сопровождавшими переход души человека

в иной мир после окончания ее земного пути (существования). В основе комплекса похоронно-поминальных обрядов лежали, с одной стороны, боязнь, что умерший явится в мир живых за своими близкими, а с другой – желание обеспечить умершему беспрепятственный переход в загробный мир и счастливую загробную жизнь. Несоблюдение или неполное соблюдение установленных ритуальных норм, моральных принципов общины считалось опасным: оно грозило нарушителю болезнью, сглазом от покойника или кладбища и в итоге – преждевременной смертью.

Стоит отметить, что похоронная обрядность является наиболее устойчивой и консервативной частью культуры жизненного цикла, на которую слабо повлияли социально-политические преобразования XX века. Начало крещения карелов относят к 1227 году, и на протяжении восьми столетий православные идеи и церковные обряды укреплялись в быту и культуре карелов, где-то вытеснив, а где-то соединившись в своеобразном симбиозе с народными верованиями. Но в целом карельский погребальный комплекс сохранил до наших дней множество архаичных элементов, восходящих в конечном счете к дохристианским верованиям. В отличие от свадеб и родин, где субъектами обряда выступали люди молодого возраста, которые могли отказаться от традиционного хода ритуалов, переработать или упростить его, погребальные практики строго контролировались старшим поколением – хранителями традиций и сакральных знаний. А главный участник ритуала – умерший, даже молодой – уже не мог повлиять на ход похоронной обрядности.

По этой причине временны́е рамки нашей книги не имеют четких границ. Нижний порог уходит в глубокую древность – отголоски некоторых обрядов прослеживаются вплоть до каменного века. При этом многие элементы погребальной практики сохраняются до сих пор не только в сельской местности, но и в городской среде. Однако основной массив данных о похоронно-поминальной обрядности карелов был собран российскими и финскими этнографами, фольклористами и краеведами (в том числе авторами данной книги) в XIX–XX веках – этот период и станет основным для описания карельской некрокультуры. Поэтому в книге в большинстве случаев используется волостное административное деление, существовавшее в Карелии до 1927 года, когда была проведена административно-территориальная реформа и вместо уездно-волостной системы появилось разделение на районы. Если же речь идет о поселении – центре волости, то в таком случае необязательно указана волость.

Пристань в деревне Трофимнаволок на Сямозере. 2008.

© Конкка А., 2008

От Карелии до… (география сравнительного материала)

В известной песне группы «Пикник» «От Кореи до Карелии» поется о долгом, запутанном пути через завывания «ветров белых», на котором встречаются «хмурые», в рваных одеждах, строящие рожи зеркалам в «морщинах-трещинах». Это очень похоже на мифологическое описание трудного пути, который должна совершить душа, переходя в мир иной, где можно и не найти «путь-дорогу» без помощи извне. И если автор песни Эдмунд Шклярский этот путь сравнивал с расстоянием от Белого до Японского моря, на побережьях которых находятся Карелия и Корея, то география сравнительного материала, к которому мы неизбежно обращаемся в нашей книге, не менее обширна.

В качестве сравнения мы привлекаем материал из некрокультур народов, с которыми карелы исторически имели тесные языковые, культурные и генетические связи. Это в первую очередь родственные карелам финно-угорские народы: финны, эстонцы, сету, вепсы, саамы, коми, водь, ижора, удмурты, ханты и др. Карелы на протяжении многих столетий проживают в соседстве с русским населением, поэтому в книге не обойтись без сравнений с севернорусской культурой (включая культуру заонежан и поморов Карелии, русскоязычных групп Архангельской области, проживающих на территориях, изначально заселенных финно-угорским населением – предками карелов)[1].

[1] Конкка А. П. Феномен карсикко-залази на Русском Севере // Вестник антропологии. 2023. № 2. С. 22–34.

Более широко приводятся сравнения со славянской и скандинавской культурой смерти. Полный перечень географических объектов, административных областей и этнических групп, упоминаемых в книге, приведен в соответствующем указателе в конце книги.

При подготовке книги авторы использовали широкий круг источников и научной литературы. В основу исследования также легли материалы из архивов России (Научный архив Карельского научного центра РАН[2], Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН[3]) и Финляндии (архивы Финского литературного общества[4], Словаря финских диалектов[5]), а также полевые материалы, собранные авторами в ходе экспедиций (ПМА).

Хозяйка поднимается из подполья. Деревня Ювялакша. Беломорская Карелия. Фото Инто Инха. 1894.

Kuopion kulttuurihistoriallinen museo / Finna

Как мы будем говорить о карельской некрокультуре?

Похороны являются критическим моментом в семейной и общественной жизни человека, поэтому его поведение в данный момент складывается в виде стереотипных обрядовых действий. Общие черты этих действий выявлены франко-бельгийским фольклористом Арнольдом ван Геннепом[6] и британским этнографом Виктором Тэрнером[7] – исследователями

[2] НА КарНЦ.

[3] ФА ИЯЛИ.

[4] SKS – Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

[5] SMSA – Suomen murteiden sanakirjan arkisto, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

[6] Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.

«обрядов перехода». К классическим обрядам перехода, помимо инициаций, относятся ритуалы жизненного цикла: родильные, свадебные и похоронные. Цель обрядов перехода – дать возможность индивиду перейти от одного социального статуса к другому.

В карельском похоронном обряде можно выделить следующие стадии перехода: отделение живых от мертвых (собственно смерть и подготовка покойного к погребению); «порог» или «грань» (лиминальная фаза), выраженные в нахождении души рядом с телом и на земле (до 40 дней или шести недель после смерти); обряды «включения», характерные для перехода в новый статус, когда душа достигает своего последнего пристанища и присоединяется к сонму предков. При этом близкие родственники умершего (особенно вдова или вдовец), как и новопреставившийся, тоже находятся в лиминальной стадии, поэтому не участвуют в обрядах, связанных с непосредственным контактом с миром мертвых: в обмывании покойного, переноске гроба, копании могилы и т. д. Выход из этого состояния проявляется в смене траурной одежды, устройстве поминальных трапез, призванных восстановить связи между членами сообщества живых и покойным, и т. д.

Таким образом, о некрокультуре карелов можно рассказать в нескольких тематических блоках: представления о душе и загробном мире; смерть и собственно похороны; кладбища и его атрибуты; поминальные обряды. Эти темы и послужат структурным стержнем нашей книги. Отдельная глава посвящена феномену деревьев ***карсикко,*** связанному с материальным воплощением представлений о том свете и посмертном существовании души.

Стоит сказать еще пару слов о выборе описания тех или иных элементов похоронного ритуала карелов. При отборе конкретных примеров для книги мы стремились включить, с одной стороны, наиболее показательные, а с другой – уникальные случаи погребальной практики и представлений о смерти. Карельский похоронный обряд неоднороден на всей территории проживания этноса – в каждом районе, а подчас и в отдельной деревне существовал свой ритуальный комплекс, порой значительно отличавшийся от соседних. Вариативность погребальной культуры обусловлена спецификой отдельных регионов – от Приладожья до Беломорья, где взаимодействие с вепсами, финнами и русскими накладывало отпечаток на местные практики. Поэтому в книге даны лишь основные сведения или те значимые факты, без которых структура похоронной обрядности была бы неполной. Таким образом, при всей сжатости материала книга имеет тенденцию рисовать картину мира карелов относительно широкими мазками. Что же касается заинтересованного читателя, то многое из перечисленных подробностей он найдет в рекомендованной литературе, указанной в конце книги. Там же представлен словарь специфичных терминов карельской культуры смерти, где в скобках приведены варианты употребления терминов на трех наречиях карельского языка. Термины, выделенные в тексте полужирным курсивом (например, ***карсикко, Туонела, сюндюзет***), толкуются именно в этом словаре.

Авторы выражают благодарность рецензентам и коллегам по Институту языка, литературы и истории КарНЦ РАН за помощь в подготовке книги.

[7] Тэрнер В. Символ и ритуал / пер. с англ. М.: Наука, 1983.

Глава 1. Мифология мира мертвых

Представления о душе и ее ипостасях

Факт смерти воспринимался карелами, как и многими народами, как отделение ***души*** от тела. Констатацию смерти карелы обозначали следующими словосочетаниями: «душа уходит» (heng lähtöu), «душа улетает» (heng lendau). В карельской речи выражение «отправиться в ***Туонелу***» (lähtie Tuonelah) также означает «умереть»[8]. Местонахождением души в теле (hengen koht) многие считали подложечковую область. Это карельское представление о нахождении ***души*** и ее отделении от тела находит подтверждение в словах жителя Сегозерья, побывавшего в переходном состоянии между жизнью и смертью в результате черепно-мозговой травмы: *«нечто поднимающееся от солнечного сплетения к горлу»*[9].

Универсальным названием ***души*** у карелов является слово **hengi**. Аналогичный термин встречается и у других прибалтийско-финских народов: у финнов – henki, у вепсов – heng, у эстонцев – heng. Помимо своего основного значения, «дух, душа», в финском языке этот термин имеет еще и значение «воздух» в выражении «глотать воздух» (haukkoa henkeä). Дело в том, что ***душа*** связана с дыханием: например, слова «душа» (henki) и «дышать» (henkittyä) являются в карельском языке словами одного корня (как, в принципе, и в русском языке).

Помимо находящейся в теле и поддерживающей жизнь ***души-дыхания*** (или «телесной» души), у многих финно-угорских народов бытуют представления о наличии двух и более душ у человека. Например, у коми-зырян *орт* – 'душа-тень, двойник человека' и *лов* – 'душа, дух, дыхание'; у удмуртов *урт* – 'душа-двойник' и *лул* – 'душа-дыхание'; у марийцев *ӧрт* – 'бестелесный двойник человека', *чон* – 'жизненная сила', *шӱлыш* – 'дыхание, с которым при последнем выдохе выходила и душа *чон*'. В традиционной культуре обских угров существовали различия в количестве душ у мужчин и женщин, но основных душ было две – *лил* ('душа-дыхание') и *ис-хор* ('душа-тень').

Как мы можем видеть, довольно часто в финно-угорских классификациях наряду с душой-дыханием, являющейся признаком живого человека, предстает и ***душа-призрак,*** или ***душа-тень***. У хантов эта душа называлась is, у мордвы – es, у коми – ас, у саамов – (j)ies, у финнов – itse. По народным представлениям, она являлась довольно подвижной субстанцией, которая могла покидать тело человека во время сна, и означала самого человека, то есть его «эго». Именно эта «персональная» душа живет в виде призрака в образе своего умершего «хозяина» и совершает путешествия на тот свет. Она, по верованиям многих народов, способна вселяться в младенцев своего рода или оставаться в качестве «неприкаянной» души на месте смерти (превращаясь в опасного для живых духа, стремящегося получить новое тело), если по каким-то причинам не был соблюден обряд похорон и душа не была переправлена в иной мир. Имеются также сведения о душах-тенях, движение которых было вызвано магическими действиями. Так, в деревне Войница Вокнаволоцкой волости появление тени приписывали вставшим из могил покойникам, которых колдун «поднимал» для исполнения своих «темных» дел.

В современном карельском языке наименование второй души не сохранилось. Мы можем предполагать, что когда-то карелы называли душу-тень іče – сейчас это слово в карельском языке означает «сам» и его производные «само», «себя» и т. д., относящиеся непосредственно к человеку. На его принадлежность к душе-тени указывают намеки, которые мы можем обна-

[8] Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск, 2020. С. 108.

[9] Минвалеев С. А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 3. С. 306.

ружить, например, в выражении iччeh hengen söi, что значит «загубил свою душу» (букв. «свою душу съел»)[10]. В близкородственном вепсском языке іче, которое тоже обозначает местоимение «сам», является корнем названий заболеваний, сопровождающихся потерей сознания, самоконтроля, – эпилепсии (ičhiin'e) и родимчика[11] (ičeze pahuz). Иными словами, это смертельные болезни, вызывающие утерю «самости». По мнению этнографа Ирины Юрьевны Винокуровой, этот факт может свидетельствовать о былых представлениях о душе-тени іче[12]. Возможно, отголосок данных воззрений сохранился и у жителей некогда карельского села Шуя, которые полагали, что у каждого человека перед смертью «случается родимчик».

По мнению финляндского антрополога Матти Сармела, существует также третья категория души[13]. Она представляет собой ***духа-хозяина*** человека, или ***духа-охранителя,*** который, к примеру, может самостоятельно показываться в качестве двойника человека (как правило, перед его непосредственным приходом). На севере Карелии, в Кондокской волости, был записан следующий рассказ:

> *Женщина увидела в окно, как ранним утром прямо по насту шла соседская четырехлетняя девочка в белых одеждах. Почему, подумала она, они ребенка так рано отпустили на улицу, да еще в белых одеждах? Пока она так думала, девочка куда-то исчезла. Когда она, обеспокоенная увиденным, пришла к соседям, то обнаружила эту самую девочку тяжело больной и лежащей в постели. «Так и не встала с той постели, в ней и умерла», – констатировала женщина*[14].

Известно, что у одних людей ***дух-охранитель*** может быть слабым, а у других – сильным, как, к примеру, у больших колдунов. Известно также, что функцию ***духа-охранителя*** человека может выполнять (замещать) некий предмет, например кукла или дерево.

Помимо практически универсальных представлений о ***душе*** как дыхании, субстанции вне тела в виде пара, тумана и прочее, а также ***душе-призрак***е – двойнике человека, у карелов в теле зафиксированы и иные проявления жизненной силы. Так, у карелов Беломорской и Олонецкой Карелии, а также в Приладожье и Тверской Карелии было в ходу понятие, переводимое буквально как «(под)кожная мышь» (hipiehiiri). Лингвист Пертти Виртаранта также приводит название бурозубки[15] «чубихиирь» (čubihiir'): *«Старые люди, если у человека чубухиирь [где-либо на теле] скачет, говорили: ага, здесь [у него] чубухиирь живет, скачет – [значит] еще долго жить будет, не умрет»*[16]. В севернокарельских загадках о беременной женщине этот зверек сравнивается с человеческим эмбрионом. Второй термин в буквальном переводе означает «жизненная мышь» (elohiiri) и употреблялся довольно широко как в Карелии (Поросозеро, Корписелькя, Суйстамо), так и на Карельском перешейке, в Ингерманландии, Восточной и Центральной Финляндии. Это состояние проявлялось тиком или пульсированием определенного места под кожей. Карелы считали такую пульсацию «мыши» предвестницей смерти, хотя известны и нейтральные высказывания о том, что ее перемещения под кожей означали, что «еще поживешь» (например, в случае с больным человеком). Как на севере Карелии, в Вокнаволоке (где существует также термин «(под)кожная вошь» – hipietäi), так и на юге (Сямо-

---

[10] Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. С. 49.

[11] В «Толковым словаре живого великорусского языка» В. И. Даля лексема «родимчик» толкуется как «падучая младенцев, или, вернее, воспаление мозга». Это состояние сопровождается конвульсиями и потерей сознания. Родимчик был распространенной причиной смертности детей в Карелии в XIX веке.

[12] Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. С. 48.

[13] Sarmela M. Suomen perinneatlas. Helsinki, 2007. S. 295–296.

[14] Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. S. 804.

[15] *Бурозубка* – самая мелкая из землероек.

[16] Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1963. S. 287.

зеро, Суоярви) записаны представления о том, что когда услышишь, как такая «мышь» «скачет» или «играет» под кожей, то до смерти остается три года. Иногда она проявляет себя в глазу (на веке), но может и в ногах, причем двигается начиная от колена или выше до пятки или большого пальца ноги. В последних случаях, когда она доходит «до края» (как бы стремясь вниз, к земле), жить остается совсем немного[17].

В финских и карельских говорах на территории Финляндии широко известны слова на *ху(у)*. Ими называют призрак, появляющийся перед смертью человека, или невидимую силу, которая после смерти оставляет на теле близкого родственника особую метку, например синяк, так называемый «укус хуу». В родственных языках это слово может означать ***духа-хозяина*** или ***душу-тень,*** то есть душу умершего. В Липери (финская провинция Северная Карелия) ругали кусающегося ребенка: «Никто так не кусает, только *хуу,* у тебя же прямо привычки *хуу*». В Нурмесе (той же провинции) призраком *хуу* пугали детей: «*Хуу* придет!» (когда дети сильно баловались). У михайловских людиков записаны восходящие ко второй половине XIX века сведения об «укусе хуу»: *«если сделается на теле синяк, то в своем роду будет покойник»*. Карел-людик Степан Годарев из Галлезера рассказывал Пертти Виртаранта: *«У нас… было такое поверье: когда у человека появляется синяк без причины, то этот человек недолго проживет, умрет»*[18].

Сходные представления о поведении *орта* – второй ***души,*** двойника человека – существуют у народа коми. Как писал на заре XX века известный социолог, а в начале своего научного пути исследователь культуры коми Питирим Александрович Сорокин, иногда *орт* мог оставаться невидимым, но проявлял себя иначе: *«На Печоре, в селе Мыльдине, “орт” перед смертью каждого имеет обыкновение щипать и делать синяки жене крестьянина Степана Бажукова. Если синяк станет желтым, значит, кто-нибудь умрет. Причем, если синяк мал, умрет маленький, если большой – умрет взрослый»*[19]. Часто также орт является в виде простого светлого фосфорического тумана.

Эта идея невидимого, воздушного духа перекликается с версией происхождения карельского «хуу». Вероятнее всего, это слово звукоподражательное и связано с дыханием или колебанием воздуха (сравните с русским «дух»). У разных народов имеется немало подобных терминов.

К этому же языковому гнезду, по-видимому, относится и наречие «(находиться) в хуурей» (huureissa), в переводе означающее «испытывать неудачу и страдать от неудачи». В Кестеньгской волости, на севере Карелии, если промысловик приходил домой ни с чем, то он «приходил домой в *хуурей*» (tulou kotih huureissa), то есть речь шла о состоянии грусти, усталости, болезненности. В Вокнаволоке, Кондоке, Юшкозере и других волостях Беломорской Карелии о девушке, которую ни разу не пригласили на танец на празднике, говорили: «весь вечер просидела в *хуурей*», то есть в состоянии, вызванном предположительно духом умершего родственника. Это убеждение вписывается в общую систему мифологических взглядов, где душа умершего хуу не исчезает после смерти, а влияет на мир живых.

Одна из особенностей похоронного обряда многих народов – развитая культура погребальных ***причитаний,*** или ***плачей,*** составляющих с обрядом единое целое. Посредством причитаний осуществлялась коммуникация с умершим и тем светом. Представления о подобной функции ***причетов*** отражены в названии книги о вологодских причитаниях «Челобитная на тот свет» фольклориста Елены Федоровны Левочской (Югай)[20]. В их текстах довольно часто встречается формула «пошлю челобитьице».

---

[17] Образ мыши, связанный со смертью, известен у многих народов. Немцы, к примеру, верили, что душа выходит из тела в образе мыши.

[18] Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. S. 286.

[19] Сорокин П. А. Этнографические этюды: статьи. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. С. 28.

[20] Югай Е. Ф. Челобитная на тот свет: вологодские причитания в XX веке. М.: Индрик, 2019.

В текстах погребальных ***плачей*** отразились древние представления о воплощении души умершего в образах летающих представителей фауны. В причитаниях народов Европейского Севера, и в частности в карельских, душа представала в образах утки, воробья, кукушки, ласточки, чайки и других птиц, что подкрепляет ассоциации души с воздушной средой и небом как таковым. Изображение птицы-души встречалось и на намогильных памятниках (см. главу 3).

Кроме того, и в текстах плачей душа представала и в виде бабочки или в совмещенном образе «птички-бабочки» (liipoi-linduine). Это связано с тем, что в традиционных карельских воззрениях бабочку причисляли к классу птиц. Исполнительница причитаний – ***причитальщица*** – просила умершего *«прилететь хоть птичкой-бабочкой»,* чтобы навестить своих родственников, развеселить, приласкать или успокоить горюющих. У карелов-ливвиков Сямозерья в причитаниях встречается подобная просьба к покойнику: *«Приняли ли тебя дорогие родичи к себе бабочкой?»*[21]

Важную роль в диалоге между мирами живых и мертвых играли не только причитания, но и сны, считавшиеся особым, пограничным состоянием человека. В причитаниях часто звучал призыв к покойнику явиться во сне (например, в том же образе «птички-бабочки»[22]), «рассказать о житье на том свете» и передать «свежие весточки» покойным родственникам:

Opi sulembil sanaižil, sulgaiženi, suladelta häntä
eigo hod' liipoi-linduižinnu tule da sigi-unuižih
hod' uinonnet, ga ozutelda da sanele siuleis.

Постарайся, мое перышко, приласкать его ласковыми словами, не прилетит ли он хоть птицей-бабочкой,
И как заснешь крепким сном, так не покажется ли во сне и не поговорит ли с тобой.
(Из плача дочери умершей матери, Святозеро)[23]

И наконец, в народных верованиях прибалтийско-финских (и финно-угорских народов вообще) душа человека может быть связана с деревом. У карелов известна целая система представлений о дереве-знаке ***карсикко*** – хвойном дереве, особым образом обрубленном или затесанном, на котором могли вырезать определенные знаки или антропоморфные изображения. Одной из ключевых разновидностей такого знака было ***карсикко*** умершего, непосредственно связанное с душой человека после смерти (более подробно см. в главе 5).

Приведенные сведения, казалось бы, выстраиваются в некую стройную систему представлений. Однако стоит помнить: реальная картина народной культуры всегда богаче любой классификации. Часто можно столкнуться с тем, что вышеобозначенные категории души оказываются как бы спрессованными воедино в народном сознании и возникают сложности при отнесении полученных сведений к той или иной категории. Поэтому в дальнейшем изложении, говоря о душе, мы будем использовать этот термин без дополнительной конкретизации его вида.

[21] Конкка У. С. Вечная печаль. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск; М.: Common Place, 2022. С. 103.

[22] Существуют также различные иносказания, сохранившие былые представления о птице-душе, например в свадебном обряде.

[23] Карельские причитания / сост.: А. С. Степанова, Т. А. Коски. Петрозаводск: Карелия, 1976. С. 413, 423.

Приметы о скорой смерти

У карелов в прошлом существовало немало разнообразных примет, предсказывающих смерть человека. Например, после исхода души по состоянию тела могли предсказать близкую смерть члену семьи умершего. Если глаза покойника оставались открытыми, его тело было мягким, со *«слабыми руками»,* то до сорокового дня в доме, по убеждениям, должен появиться еще один покойник.

Одним из распространенных предзнаменований смерти являлось необычное поведение птиц. Карелы, как и соседние вепсы и русские, считали, что любая птица, ударившаяся в окно, постучавшая в него или стену дома, в большинстве случаев предвещала смерть кого-то из членов семьи. Крупные лесные птицы – ворон, глухарь, тетерев, ястреб, кукушка или сова – также воспринимались как вестники скорой кончины, если они садились на дерево, какую-нибудь жердь во дворе или на крышу дома. Это расценивалось как конкретное указание на будущую беду: скорый пожар или смерть кого-то из жителей. Такие приметы до сих пор бытуют в карельских деревнях.

На севере Карелии было широко известно поверье о том, что многие птицы (особенно это касалось перелетных, прилетевших издалека) могут испортить человека и его деятельность, если первый раз в году услышать их голос на голодный желудок. Плохим предзнаменованием было кукование кукушки около дома: *«Кукушка кукует, если ты на улице, в первый раз кукует, то говорят: очень хорошо. А когда в доме услышишь, то это уже похуже»*[24]. Как было сказано выше, в народных представлениях кукушка являлась воплощением души умершего человека, поэтому верили, что, оказавшись в «мире людей», она могла быть вестником смерти близкого родственника[25].

В ***карельской эпической традиции*** распространен более жизнеутверждающий символизм кукушки – отмечалась ее связь с солнцем, она является предвестницей весны и лета, а также богатства. Похожая связь кукушки с солнцем как символом жизни обнаружена на юге Карелии, в селе Михайловском: если кукушка кукует со стороны восхода солнца, то проживешь еще долго, а если захода – то оставшийся срок жизни будет небольшим[26].

Считалось также дурным предзнаменованием, если дятел стучал в стену дома. Тогда говорили: «Дятел к покойнику». В Реболах бой в стене древоточца[27], крик совы, удары красноголового дятла в стену признавались предвестниками близкой смерти родственника или соседа, сулили какую-нибудь бедственную новость или семейное несчастье.

Петух и курица – домашние птицы, связанные с жизнью и смертью у многих народов, в том числе у славян и вепсов[28]. В Галлезере про старого человека, передвигавшегося с палкой в руках, говорили: «Его шаги уже укорачиваются, как у петуха, ему недолго теперь жить». Существовало также поверье, что курица, запевшая петухом, или петух, поющий вечером или ночью, – к смерти. В Иломантси ночной крик петуха означал, что смерть в образе черта (karu) вышла собирать урожай человеческих душ. Идентичная примета была и у вепсов: крик петуха в «непоказанное» время предвещал плохие вести для обитателей дома.

Связь петуха со смертью проявлялась у ливвиков и людиков не только в предсказаниях, но и в магических практиках, направленных на защиту от нее. Ярким примером служит случай

---

[24] ФА ИЯЛИ. № 3834/20.

[25] Интересно, что у марийцев в Поволжье есть поверье, что кукушка является проводником души человека на тот свет.

[26] Минвалеев С. А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людиков. С. 308.

[27] Червь-древоточец обычно ведет себя бесшумно, но при соперничестве за территорию может издавать довольно громкие звуки-хлопки.

[28] Причем куроводство, как и свиноводство, в Беломорской Карелии и частично в Повенецком уезде Олонецкой губернии не было развито.

в Сопохе захоронения в одном ***гробу*** умершего от сыпного тифа и живого петуха, олицетворяющего это заболевание. Таким образом якобы останавливали распространение заболевания. Обычай захоронения умерших от болезни с живым петухом (вариант – с кошкой) был распространен среди южных карелов и других народов.

Выше мы уже говорили, что помимо птиц у карелов душа могла обретать вид бабочки и даже птички-бабочки. Поэтому, подобно кукушке и другим птицам, залетевшая в дом бабочка считалась вестницей смерти и эманацией почившей души. Люди часто воспринимали ее как визит умершего: нельзя было ни в коем случае причинять ей вред, тем более убивать. Следовало открыть все двери дома настежь и помахать чем-нибудь в воздухе, чтобы бабочка сама нашла путь на волю. Собиратель причитаний Европейского Севера Елпидифор Васильевич Барсов в 1872 году отмечал, что бабочку в Олонецкой губернии положительно называли «чьей-нибудь душенькой»[29].

У многих народов прослеживаются представления об отождествлении дерева с человеком и его жизненным циклом, в том числе с его смертью. Мифологические представления карелов о ели как дереве предков проявляются в выборе еловых рощ для старинных ***кладбищ***[30]. Падение ели или другого хвойного (а иногда и лиственного) дерева на жилой территории человека предвещало скорейшую смерть кому-либо из родственников или односельчан. Так, жительница деревни Палнаволок 1928 г. р. сообщила, что перед смертью ее сына дерево у их дома обвалилось в результате непогоды.

И наконец, многие святочные гадания у карелов были связаны с приметами смерти, когда на развилках дорог сидевшие на снегу под покрывалом гадающие могли услышать со стороны определенного дома звуки тесания досок, забивания в дерево гвоздей или звяканья коровьего колокола. Последнее в приграничной Беломорской Карелии комментировали так: зимой в хлеву у коровы нет колокола на шее, поэтому это вести от Крещенской старухи (мифологический персонаж зимних Святок), а коровий колокол было принято привязывать к дуге или оглобле лошади, когда на санях везли хоронить покойника.

[29] Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Т. 1. Похоронные причитания. С. XIII. СПб.: Наука, 1997.

[30] Что, кстати, отражено и в других финно-угорских культурах, где сосна, ель – дерево нижнего мира.

Сямозерская Рубчейла. Кладбищенская роща. 2008.

© Конкка А., 2008

Сюндюзет – предки-прародители

Причитания сохранили краеугольное для картины мира карелов понятие ***сюндюзет*** (syndyzet). Его основное и первоначальное значение – «умершие родичи», «жители загробного мира». В текстах ***плачей*** кончина понимается как воля *сюндюзет,* которые призывали к себе человека: *«Милые сюндюзет (прародители) увели вниз»* (то есть взяли к себе)[31]. К «прародителям», к которым часто применяется эпитет «белые», обращаются с просьбой встретить покойника: *«Встречайте, белые сюндюзет (прародители), с восковыми свечечками»*[32] и т. д. То, что *сюндюзет* в карельских плачах означает именно умерших предков, подкрепляется еще тем фактом, что как синонимы *сюндюзет* употребляются слова «близкие» (omakunta), «родичи» (šukukunta), «соплеменники» (heimokunta), «свой народ» (kanšakunta).

[31] Тексты причитаний исполнялись на карельском языке. Здесь и далее мы будем приводить цитаты карельских причетов сразу в переводе на русский язык.

[32] Конкка У. С. Вечная печаль… С. 54.

Понятие ***сюндюзет*** встречается и в бытовых плачах, где от них зависит не только смерть, но и урожай и благополучие: *«Не дали милые сюндюзет (прародители) сытого житья в этот год. <…> Даже овсы дорогие погубили, остались лишь забытые соломинки».* В свадебном обряде невеста или ***причитальщица*** от ее лица также обращалась к *сюндюзет,* призывая смерть, которая милее замужества: *«Сделайте, милые сюндюзет (прародители), мне несчастной несуженую смертушку. <…> Придите, могучие сюндюзет (прародители), печальную меня взять к вашей милости»*[33]. Таким образом, *сюндюзет* воспринимались как сила, управляющая не только переходом в загробный мир, но и жизненными обстоятельствами.

Корнем слова ***«сюндюзет»*** является *сюндю* (syndy/synty), что во всех прибалтийско-финских языках означает «рождение», а в карельском еще и «происхождение». В южнокарельских диалектах и вепсском языке слово *сюндю/сюнд*

[33] Конкка У. С. Вечная печаль… С. 55.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.